

БУТОРИНА Т.С.

доктор педагогических наук, профессор, вице-президент Ломоносовского фонда

ЛИЧНАЯ СУДЬБА М.В. ЛОМОНОСОВА

(К пользе и славе Отечества / Редактор Т.С.Буторина; Сост. Г.П.Добрунова; Редкол.: В.П.Базаркина, В.И.Голдин, В.П.Илатовский и др. – Архангельск, 2003, С. 174-185)

О жизни и творчестве Михаила Васильевича Ломоносова написано свыше пяти тысяч работ различного уровня: тезисы, статьи, диссертации, книги. Однако в них, как показывает анализ, малоисследованным остается вопрос о его семье, о влиянии матери, жены на личность и деятельность первого российского академика. По нашему мнению, в этом влиянии переплелись, с одной стороны, традиции поморской народной педагогики, а с другой — немецкой народной педагогики. Что мы имеем в виду? Ломоносов девятнадцать лет жил на Архангельском Севере, где впитал отношение поморов к семье, женщине, матери. Обучаясь пять лет в Германии, Ломоносов также имел возможность оценить народное воспитание немецких девушек как будущих матерей и жен. Впоследствии его точка зрения о женском воспитании нашла отражение в собственной семье, в практике общения с дочерью Еленой.

Михайло Ломоносов стал ярким и характерным представителем русского субэтноса, населявшего Поморье, которое исторически являлось посредником между Западом и центром Руси. Положение крестьян на Севере в значительной мере было аналогично положению крестьян в Норвегии. Норвежский крестьянин, как и поморский, никогда не был крепостным. Именно это обстоятельство объясняет наличие специфических образовательных традиций и своеобразного характера у скандинавов и поморов. Из них формировались предприимчивые люди, среди которых был и отец Михаила Васильевича Василий Дорофеевич Ломоносов. Фамилия Ломоносовых в документах встречается с начала XVIII века. Прадед Михаила Васильевича Леонтий и его сыновья Лука и Дорофей были черносотными крестьянами. Лука выдвинулся среди односельчан, и в начале XVIII в. его выбрали земским старостой, но свое хозяйство он не бросал. Отец Михаила Васильевича Василий Дорофеевич зарекомендовал себя также деятельным человеком. В деревне Денисовке у него был дом с двором, прудом и колодезем. Двор имел приблизительно полдесятины земли и лежал в плоской низине, часть которой занимал широкий естественно образовавшийся пруд. Он соединялся с рекой канавой, отгороженной от реки решеткой. В нем разводилась рыба — единственный пример в то время на Севере искусственного рыбного хозяйства. О родителях Василия Дорофеевича не сохранилось каких-либо сведений, кроме года рождения отца (1681). Есть предположение (И.М. Сибирцев), что В. Ломоносов рано лишился отца и рос сиротой. Поэтому одной из характерных его черт была «податливость к сиротам», т. е., на себе испытав горькую долю сиротства с малолетства, он не оставался равнодушным к судьбе других сирот. В сиротстве следует видеть причину его неграмотности, хотя в роду Ломоносовых грамотность была распространена. Он с детства заботился не только о себе, но и о своей матери. Позднее сыну Михаилу он говорил, что все свое «довольство» он нажил «кровавым потом».

Василий Дорофеевич характеризовался как человек энергичный, наблюдательный, прогрессивный. По воспоминаниям современников, он был «простосовестен, с соседями обходителен», «по натуре добр», «весьма религиозен» и привержен к церкви, что проявилось в заботе о строительстве каменного Куростровского храма. Он лично пожертвовал 18 рублей на это богоугодное дело, а также собирал средства в Архангельске, на «лодьях», у себя в доме на семейных торжествах. В. Ломоносов общался с людьми грамотными, состоятельными, с духовенством. Активно участвовал в церковно-приходских делах и хлопотал в 1735 году об отводе земли новому дьякону Куростровского прихода.

Василий Ломоносов был незаурядным человеком. Многие его черты унаследовал «даровитый сын», при этом важное значение имели как «естественное преемство», так и

личный пример, наставления старшего Ломоносова. На становление личности будущего академика оказало влияние то, что Ломоносову не пришлось испытать той принижающей человека бедности, которая являлась характерной для значительной части русского крестьянства.

Отец Ломоносова по характеру был типичным помором: настойчивым, трудолюбивым, смелым, предприимчивым, справедливым, отважным, человеком широкой натуры. Он считал, что мужчина в доме должен обеспечить достаток, еду, тепло. Поэтому Василий Дорофеевич занимался одновременно крестьянским трудом, рыбным и зверобойным промыслом, перевозкой грузов. Для него важным являлся как дом, где он мог согреться, отдохнуть, набраться сил для работы, так и его хозяйка. Василий Дорофеевич женился трижды. Первая его жена — Елена Ивановна Сивкова — подарила ему единственного сына Мишеньку. Про мать М.В. Ломоносова сохранились очень скудные сведения. Елена Ивановна была дочерью Матигорского дьякона Ивана Сивкова. В Матигоры его «поставил» преосвященный архиепископ Афанасий. Он владел «церковного тяглою землей», с которой «тягло платили из церковной Николаевской казны». Около 1708 года Иван Сивков умирает, оставляя дочь сиротой. Биографы М.В. Ломоносова считают, что, вероятно, в 1709 или 1710 году она вышла замуж за 27—28-летнего Василия Ломоносова. Находясь в зрелом возрасте для того времени, Василий Ломоносов из большого числа вероятных невест выбрал девушку-сироту. Это свидетельствует о том, что для него главным являлся не материальный расчет, а любовь к сироте, ее добрые нравственные качества. Она воспитывалась в традициях народного поморского воспитания, главной из которых было формирование трудолюбия в детях. Так, с появлением на свет, девочке дарилась маленькая прялка, потом побольше. К десяти годам она уже получала от взрослых задание шерсть на прясть, половики наткать. Девочки приучались уважать чужой труд, ценить красиво выполненную работу. Трудовой принцип проходил красной нитью через все воспитание и реализовывался в нравственных характеристиках личности.

Елена Ивановна Сивкова впитала в себя общественное поморское мнение о значимости женщины в семье, ценности ее нравственных качеств для воспитания детей. Так, этнографы Севера отмечали, что Поморье было богато замечательными женщинами, славящимися тонкими, миловидными чертами. Однако они не уступали мужчинам ни в силе, ни в ловкости, ни в трудолюбии. Поморка целыми днями хлопотала то около печи, то около скота, то с детьми, а если вечером выпадал свободный час, она садилась за прядение шерсти своих овец, за вязание, шитье. Женщина-поморка была очень чистоплотной, до щепетильности. Она в чистоте содержала свой дом, детей.

Общественное мнение строго охраняло нравственный облик женщины. Так, поморку безукоризненного поведения, уважаемую называли «славуха», а гулящую, вольного поведения — «свистуля», от слова «посвистывать» — погуливать, вести непорядочную, зорную жизнь. Нерадивая, мотовитая женщина, разорительница получала в народе прозвище «развитка». Однако помор знал: «Лихая жена — да законная, своя». Женщина на Русском Севере была не просто хранительницей домашнего очага, быта, а воспринималась олицетворением всех нравственных достоинств, символом Родины.

Елена Ивановна Сивкова на собственном примере убедилась в правильности мнения поморов о ценности семьи. Семья считалась основой жизни, являясь как производственным, так и воспитательным коллективом. Взаимная уважительность в семье способствовала сохранению хороших связей с близкими и дальними родственниками. Поощрялись добрые действия по отношению к ним, стремление прийти на помощь, умение забыть обиду. Главой семьи был отец — старшой. Он имел большую власть. При нем соблюдались порядок и тишина. Уважительные отношения между отцом и матерью формировали особую атмосферу семьи. Муж знал, что «хозяйкой дом держится», «без хозяйки дом — сирота». Общественное мнение осуждало мужчину, не имеющего семьи:

«Без семьи у мужика не жизнь, а одно баловство».

В поморской семье существовал тип двойного лидерства — наличие двух глав семьи в лице отца и матери. Семья в целом выступала не только носителем духовных ценностей, но и их передатчиком новым поколениям. Стабильность общества во многом определялась стабильностью семьи.

Елена Ивановна была хорошей хозяйкой и женой. В 1711 году в семье Ломоносовых родился сын Михаил, любимое дитя родителей. Оставляемая мужем во время его продолжительных и опасных для жизни поездок по Белому морю, она сосредоточила свою любовь на сыне-малютке. При заботливом уходе любящей матери ребенок рос здоровым, смышленным, вдумчивым. Михаил был очень привязан к матери, а ее нередко скорбный образ глубоко запечатлелся в его душе. Мать отдавала ему все свое тепло и заботу, как будто чувствовала близкую смерть. Беззаботное детство Миши закончилось в 1720 году, когда умерла Елена Ивановна. Детские воспоминания о матери Михаил Ломоносов хранил глубоко в себе. Скорее всего, по ее образу он искал себе будущую жену. Так, отец очень хотел женить несовершеннолетнего Михаила и даже «сговорил было в Коле у неподлого человека взять за него дочь».

Смерть матери была тяжелым ударом для Михаила. Появление мачехи сделало для него родной дом чужим и холодным. Довольно часто он приходил на могилу, мысленно искал у матери поддержки. Уходя с обозом в декабре 1730 года в Москву, Ломоносов, по преданию, попрощался с родной могилой, словно чувствовал, что делает это в последний раз.

В сохранившихся письмах и работах первого российского академика нет ни одного слова о матери. Это понятно и объяснимо: он писал о другом — научном, общественном, — а личная жизнь академика оставалась внутри него. К сожалению, после себя Ломоносов не оставил ни автобиографии, ни мемуаров, по которым можно было бы восстановить его детство, юность и другие жизненные периоды. Но образ матери сопровождал его всю жизнь. Не случайно родившуюся в 1749 году дочь он назвал дорогим для него именем — Еленой.

Прошло много лет после смерти матери. Михаил Ломоносов стремился как можно больше и глубже понять окружающий его мир. Ради этого он оказался в Германии, в Марбурге и Фрайберге. Барон Корф, который отправлял русских студентов на учебу в далекую страну, говорил: «Я наслышан, каковы нравы тамошних студентов, а поэтому бойтесь главных причин человеческой глупости — женщин, вина, табака и пива!.. Я верю, что вас ждет великое будущее...». Марбург являлся крупнейшим университетским городом Европы. Здесь Ломоносов провел четыре года из своего пятилетнего пребывания в Германии. В Марбурге талант и уникальность Михаила Васильевича были замечены его любимым учителем, известнейшим философом-просветителем Европы, одаренным физиком Христианом Вольфом. Здесь же Ломоносов встретил свою будущую жену Елизавету Цильх, которая, кстати, родилась 22 июня 1720 года, в год смерти матери Ломоносова. Елизавета Цильх была дочерью хозяйки дома, в котором он жил в Марбурге. Ее отец Генрих Цильх был пивоваром и считался человеком среднего достатка. К моменту приезда Ломоносова его уже не было в живых. Мать Елизаветы Елизавета-Кристина Цильх (урожденная Зергель) стремилась материально обеспечить жизнь двоих детей: сына Иоганна и дочери Елизаветы. Дом, в котором жил Ломоносов, сохранился до наших дней. Историк Вильгельм Экхардт, бывший директор Государственного Гессенского архива, доказал, что будущий академик жил в г. Марбурге в доме, находившемся в переулке Вендельгассе, 2. На нем установлена памятная доска. Четырехэтажное здание с уютным внутренним двориком и сейчас является студенческим общежитием. Переулок Вендельгассе настолько узок, что дома стоят тесно прижавшись друг к другу. Из дома напротив можно было видеть все, что происходило в студенческих комнатах. Обычно у нас пишут о том, что русские студенты, поддавшись соблазнам вольности, вели веселый образ жизни, поэтому испытывали нужду в деньгах. Однако это не соответствовало

действительности. Студенческое время — веселая пора в любую эпоху. Русские студенты быстро подружились с немецкими сверстниками и принимали участие в молодежных пиршествах, гулянках, розыгрышах, потасовках. Имеется свидетельство немца Пюттера, жившего напротив дома Ломоносова и хорошо изучившего его привычки. Основную часть денег он расходовал на книги, платил фрау Цильх за стол и квартиру. Скромный в быту, Ломоносов, по словам Пюттера, вел размеренный образ жизни, без излишеств: его завтрак состоял из «нескольких селедок и доброй порции пива». Позднее он познакомился с Ломоносовым поближе и высоко оценил его прилежание, силу суждений, образ мыслей. Об этом же вспоминал и учитель Ломоносова Христиан Вольф. Его любимый ученик никогда не пропускал занятий и был прилежен в учении: «Я любил видеть в лектории этот высокий лоб, этот взгляд, сияющий разумом. Но ах! Как часто этот лоб украшается зловещей шишкой и фонарь под глазом светит ярче «сияния ума»... Царственный друг мой, император Петр Первый, успокаивал мою тревогу относительно количества вина, употребляемого Его Величеством зараз, говорил: «Пьян, да умен — два угодыя в нем!» Увы! Вижу справедливость сего изречения на русском моем ученике... Впрочем, моего русского ученика пьяным я не видал — хитрая bestия!»

В одном из своих произведений Ломоносов писал, что он «убегал от любви». Находясь уже в зрелом возрасте, Михайло неожиданно открывает для себя скромную, милую дочку хозяйки. Присмотревшись к ней, он почувствовал тепло, которое когда-то ощущал от своей матери. Он видел, что Елизавета Цильх воспитана в добрых семейных традициях. Мудрость немецкого народного воспитательного опыта заключалась в выделении основного целостного ядра — нравственного, которое представлено в народной педагогике у всех народов. Основа нравственности формировалась в ребенке с детства в семье. Именно семью немцы считали основой государства, которое ее контролировало: регистрация брака была обязательным условием функционирования семьи. Родителям рекомендовалось начинать процесс воспитания детей как можно раньше, поскольку нравственный гражданин являлся гарантом благополучия общества. Поощрялось воспитание таких качеств, как прилежание, любовь к порядку, экономность, готовность понять и принять распоряжения начальства. Государству нужны были надежные верноподданные. В семье дети подчинялись беспрекословному авторитету отца как кормильца и главы семьи. Впоследствии это гарантировало государству послушных граждан, понимающих и ценящих во всем порядок.

В немецкой семье женщина создавала атмосферу защищенности, уюта, бесконфликтности. Задача женщины заключалась в заботе о всех членах семьи и об особой ее ауре, в которой каждый мог бы наслаждаться приятными часами отдыха. Муж имел право требовать от жены интереса к своим делам. Жена должна быть для него не только домохозяйкой, но и партнером во всех жизненных ситуациях. Она исполняла роль посредника между главой семьи и всеми другими ее членами. От ее искусности в вопросах семейной дипломатии зависели покой и гармония в семье. Семейный мир порой стоил многих усилий и унижений для женщины, но она должна была мириться с этим в интересах семьи. Выполнение женой функции ведения домашнего хозяйства требовало от нее больших знаний о том, как вырастить те или иные овощи, как их переработать, сохранить, как создать необходимый запас продуктов и как сделать это наиболее экономично.

Отец в любой семье требовал уважения и почитания к себе как к кормильцу. Он считался самой важной персоной в доме, давал распоряжения слугам и командовал детьми, следя за всем, что происходило в доме, определял основные расходы семьи. В вопросах воспитания детей его мнение было решающим.

Жена ожидала от мужа гарантий достойной жизни и разумного распоряжения ее приданым.

Идеал немецкой женской добродетели заключался прежде всего в домовитости. Занятие домашним хозяйством немецкая девушка должна была понимать не как ог-

раничение ее личности, а как создание надежного дома для всех членов семьи. Прилежание, осмотрительность и экономность были теми чертами характера, которые высоко ценились мужем. Для поддержания нормальной обстановки в семье жена должна была обладать скромностью, целомудренностью. Идеал добродетельной матери включал в себя всем известную формулу трех «К»: кирхе (церковь), кухне (кухня), киндер (дети).

Именно на таких нравственных основаниях воспитывалась Елизавета Цильх. Она не была изнеженной, избалованной девушкой. Смерть отца подорвала материальное благополучие семьи Цильх. Матери пришлось сдавать часть дома квартирантам, студентам. Среди них и оказался Михаил Ломоносов. Он долго присматривался к Елизавете Цильх, наблюдал за ней. Она привлекала его к себе домовитостью, покоем, искренностью. Увлечение Ломоносова милой девушкой переросло в глубокое чувство. Он очень своеобразно понимал любовь, о чем позже написал в учении о красноречии: «Любовь есть склонность духа к другому кому, чтобы из его благополучия иметь услаждение». Направленность чувства на другого человека, близкого тебе по духу, а не на себя — вот удивительная мысль, которую высказал Ломоносов. Как создать благополучие для любимого человека? Этот вопрос волновал Ломоносова, и на него в то время он не мог дать ответ.

Они были знакомы около двух лет. Лишь в 1738 году между ними произошло объяснение. Ломоносов хорошо понимал всю ответственность, которую он брал на себя, выбирая в невесты немецкую девушку. Все осложнялось двумя моментами: отсутствием у Ломоносова средств к содержанию семьи и принадлежностью его возлюбленной к другой вере. Михайло Васильевич рассчитывал, что его материальное положение в России будет более благополучным для жизни семьи. Следовало уговорить Елизавету Цильх в необходимости переезда в неизвестную для нее страну. В феврале 1739 года они поженились, не обвенчавшись в церкви. 19 ноября 1739 года у них родилась дочь Катерина-Елизавета. В церковной метрике с немецкой педантичностью указано: незаконнорожденная, в связи с тем, что их брак был гражданским, а не церковным. 26 мая 1740 года Ломоносов обвенчался в церкви реформаторской общины Марбурга с Елизаветой-Кристиной Цильх. После этого он стремился поскорее приехать на Родину и начать научную работу. Он не мог привезти Елизавету Цильх на пустое, необжитое место. Они договорились о том, что Ломоносов вышлет из России ей приглашение и деньги на приезд. Положение осложнялось тем, что тяжело болела мать Елизаветы, а сама она ждала второго ребенка. Он родился после отъезда Ломоносова в Санкт-Петербург первого января 1742 года. Елизавета назвала его Иоханнесом. Это был единственный сын Ломоносова, который прожил всего лишь один месяц и умер 7 февраля 1742 года. После этого умирает мать Елизаветы. Пережитые потрясения окончательно убедили ее в необходимости ехать в Россию, к Ломоносову. Но от него не было никаких известий...

Ломоносов, прибыв в Петербург 8 июня 1741 года, мечтал быстрее заняться научной работой. К сожалению, не все шло в его жизни так, как ему хотелось. Академией наук в то время фактически управлял немец Шумахер, руководитель канцелярии, сосредоточивший в своих руках академические финансы. 8 января 1742 года Ломоносов был назначен адъюнктом (помощник профессора, ассистент) и выполнял различные поручения: составление каталога минералов, переводы статей, оформление научных диссертаций по материалам, привезенным из-за границы. Жалованье ему было назначено в триста шестьдесят рублей в год, выделены две комнаты в доме Академии наук. Однако при господстве в Академии немцев Ломоносову, как природному россиянину с собственным мнением, особого продвижения по ступеням научной карьеры не предвиделось. Он видел, как его «обходили» ниже по званию, но облаканные Шумахером адъюнкты. Ломоносов испытывал постоянную зависимость и мелочный контроль со стороны академической бюрократии. Даже садовник-немец не разрешал ему брать овощи из огорода Академии, дрова, свечи и прочее. Ломоносов был очень возмущен, его гордая натура протестовала против такого засилья иностранцев.

В результате острых и бурных столкновений в Академии Ломоносов подвергнулся домашнему аресту и просидел «под караулом» семь с половиной месяцев (с 28 мая 1743 г. по 18 января 1744 г.). Его освободили при условии «просить прощения в учиненных дерзостях» у профессоров Академии, что и было сделано им на заседании конференции Академии 27 января 1744 года. За время ареста Ломоносов обучал одного из студентов университета химии, минералогии, стихотворному искусству и написал известные поэтические произведения — «Вечернее», «Утреннее» размышления, книгу по металлургии, провел исследования в области физики, химии.

С самого начала работы и на протяжении всей своей жизни он испытывал большие материальные затруднения. Так, находясь под стражей, Ломоносов несколько раз обращался в Академию наук с просьбой выдать ему денежную сумму в счет невыплаченного жалованья. В августе 1743 года он писал, что почти целый год не получал денег от Академии и «оттого пришел в крайнюю скудость. А ныне я, нижайший, нахожусь болен и притом не только лекарства, но и дневной пищи себе купить на это не имею и денег займы достать нигде не могу». На этом доношении рукой секретаря Академической канцелярии СО Волчкова наложена резолюция: «За неимением в казне денег выдать Ломоносову пять рублей». В расходной книге имеется такая расписка: «Оные пять рублей адъюнкт Михайло Ломоносов взял, а вместо его за болезнь по прошению его расписался переводчик Никита Попов».

Чуть позже Ломоносов пишет прошение в Сенат о назначении жалованья по должности профессора химии и просит определить ему годовое жалованье в 660 рублей, т. к. «химическая наука состоит не только в одной теории, но и в весьма трудной практике, которая и здравью вредительна бывает». Дело заключалось в том, что Сенат, назначив его профессором, забыл установить ему оклад. Рассмотрение дела Сенатом затянулось. Шумахер в своем представлении Сенату от 10 июля 1745 года уклончиво писал: «Профессорам при Академии разные оклады: иным по 860, другим по 660, младшим по 500». Указ Сената о назначении Ломоносову годового оклада в сумме 660 рублей был подписан только 14 марта 1746 года.

К сожалению, существует еще ряд подобных документов, свидетельствующих об униженном материальном состоянии Ломоносова.

Примерно в это время, не имея от мужа никаких вестей, Елизавета Цильх начала искать его через русского посланника в Гааге. Ее письмо было получено графом А. Бестужевым-Рюминым, а затем Я. Штелиным. Ломоносов высылает ей на дорогу сто рублей, и предположительно в первой половине 1743 года Елизавета Цильх вместе со своей четырехлетней дочерью и братом приезжает в Санкт-Петербург.

Биографы Ломоносова предполагают, что после ее приезда состоялось их венчание в православной церкви, которая не запрещала браки между представителями разных христианских конфессий, но считала обязательным воспитание детей в духе православия. После этого Елизавета Цильх стала носить имя Елизаветы Андреевны Ломоносовой.

Чужая страна, плохое знание русского языка, незнакомые люди, другой климат... Сдержанной, внешне строгой и несколько чопорной Елизавете пришлось полностью перестраивать свою жизнь. Ритм и образ жизни великого ученого очень своеобразны. Увлеченность исследованиями, размышления над сущностным требуют погруженности в себя, отрешенности от мира, спокойной атмосферы дома.

По-разному биографы Ломоносова оценивают этот брак. Можно предположить, что рождение в 1739 году внебрачного ребенка позволило пережить Ломоносову глубокое и трепетное чувство отцовства. Вероятно, он испытывал ностальгию по собственной семье и понимал, что к тридцати годам у человека должен быть свой дом. Появление маленькой дочки накладывало на него определенные обязательства перед Елизаветой Цильх и ее семьей. Некоторые считают, что такой завидный жених, каким был Михайло Ломоносов, мог бы найти себе жену среди русских девушек. Однако судьба распорядилась иначе. Его нельзя обвинить в мимолетности чувства, приведшей к

случайной связи. Ломоносов отличался благородной упрямкой, которая позволяла ему принимать объективно разумные решения. Его шаг на брак с Елизаветой был глубоко обдуманым. Он знал ее около четырех лет и за это время мог убедиться в искренности и надежности их чувств друг к другу. Тем более, что он был старше Елизаветы почти на девять лет. Позднее в работе «О сохранении и размножении российского народа» он писал, что такая разница в возрасте мужа и жены является наиболее оптимальной. Вопреки домыслам Ломоносов оказался однолюбом и всю жизнь испытывал глубокую нежность к своей супруге.

Елизавета Андреевна тонко чувствовала настроение мужа, оберегала его от бытовых проблем, строила настоящий уютный Дом, в котором всем было хорошо. Она взяла на себя неблагоприятные житейские заботы.

В собственный дом Ломоносовы въехали 9 сентября 1757 года. На строительство дома ученый просил в разрешении пять лет. Однако его удалось поставить в течение года. Ломоносов использовал типовой проект «дома для именитых граждан», внося в него небольшие изменения. В письме к Л. Эйлеру от февраля 1765 года он писал: «...Бог помог мне обзавестись собственным домом, и я уже восемь лет живу в центре Петербурга в поместительном [доме], построенном по моим соображениям, с садом и лабораторией, и делаю по своему усмотрению всякие инструменты, опыты». Дом был двухэтажным, с мезонином и боковыми флигелями и располагался в центре города, фасадом на реку Мойку. Во дворе выкопали пруд, построили астрономическую обсерваторию. Дом-усадьба Ломоносова был огорожен ажурными воротами. Впоследствии этот особняк перешел к дочери ученого.

Загруженный работой, Ломоносов практически не имел времени на полноценный отдых, развлечения. Для того, чтобы не нарушать ритм жизни ученого, семья ограничивала количество гостей в доме. Так, в письме графу И.И. Шувалову от 19 января 1761 года Ломоносов писал: «По разным наукам у меня столько дела, что я отказался от всех компаний; жена и дочь моя привыкли сидеть дома и не желают с комедиантами обхождения». Вместе с тем в доме Ломоносовых существовала добрая традиция приглашать хороших знакомых в гости. Например, сохранилось письмо к Я.Я. Штелину от 9 ноября 1764 года такого содержания: «Мне есть с вашим высокородием чего поговорить, а иное и посмеяться некоторому новому Kretze-Luft-Vogelein. Покорно прошу после обеда чашку чая выкушать, чем я весьма много одолжен буду». Есть свидетельства того, что на балах, маскарадах Михаил Васильевич бывал вместе с женой. На одном из них Елизавета Петровна подарила ей оригинальный веер.

В доме Ломоносовых постоянно были ученики ученого (Алексей Протасов, Иван Барков). Довольно часто его посещал граф Иван Иванович Шувалов. Жена и дочь Ломоносова любили встречать его. Это был удивительный союз двух образованнейших людей. И.И. Шувалов был моложе Ломоносова на 13 лет, но, по-европейски образованный, он хорошо понимал предназначение ученого для славы России. Поэтому поддерживал начинания Ломоносова в организации Московского университета, развитии образования, науки. Первый российский академик писал: «Я сие великое училище задумал и обдумал, охлопотал, выносил его и породил; горячими слезами воспитал и жить пустил и за гробом стану о нем бога молить...»

По воспоминаниям племянницы Ломоносова Матрены Евсеевны, в доме ученого всегда радовались гостям, особенно северянам. Тогда «на широком крыльце накрывался дубовый стол и сын Севера пировал до поздней ночи с веселыми земляками своими, приходившими из Архангельска на кораблях и привозившими ему обыкновенно в подарок моченой морошки и сельдей. Точно такое же угощение ожидало и прочих горожан, приезжавших по первому зимнему пути в Петербург, с трескою. ...Матрена Евсеевна играла на сих банкетах немаловажную роль, ибо, несмотря на молодые лета свои, заведовала погребом, а потому хлопот и беготни ей было немало».

В жаркие летние дни обложенный книгами и бумагами Ломоносов писал с утра до

вечера в беседке. Племянница Матрена Евсеевна довольно часто бегала в погреб за пивом, так как дядюшка жаловал этот напиток прямо со льда. Ученый любил работать на воздухе. В летнюю пору он не выходил из сада, за которым ухаживал, прививая и очищая деревья. Подобное он наблюдал в Германии. «Сидя в саду или на крыльце, в китайском халате, принимал Ломоносов посещения не только приятелей, но и самих вельмож, дороживших славою и достоинствами поэта выше своего гербовника; чаще же всех и долее всех из них сживал у него знаменитый меценат его, Иван Иванович Шувалов... Бывало, сердечный мой так зачитается да запишется, что целую неделю ни пьет, ни ест ничего, кроме мартовского (пива) с куском хлеба и масла».

7 июня 1764 года дом Ломоносовых посетила императрица Екатерина. Она посмотрела мозаичные работы ученого, посвященные Петру Великому, изобретенные им физические инструменты, наблюдала физические и химические опыты, пообедала с семьей ученого. После этого императрица пригласила Ломоносовых к себе в гости: «Завтра приезжайте ко мне откусать хлеба-соли, щи у меня будут такие же горячие, какими потчевала нас ваша хозяйка».

Очень тепло приняла семья Ломоносовых племянника из Матигор Мишеньку Головина, названного в честь дядюшки. Об этом свидетельствует единственное сохранившееся до нашего времени письмо Ломоносова сводной сестре Марии Васильевне Головиной от 2 марта 1765 года. Письмо написано за месяц до смерти ученого. В нем он сообщает, как привыкает к новой жизни девятилетний мальчик из далеких северных Матигор, что находятся рядом с Холмогорами: «Мишенька приехал в Санкт-Петербург в добром здоровье и, что умеет очень хорошо читать и исправно также пишет для ребенка нарочито. С самого приезда сделано ему новое французское платье, сошиты рубашки и совсем одет с головы и до ног, и волосы убирает по-нашему, так, чтобы его на Матигорах не узнали. Мне всего удивительнее, что он не застенчив и тотчас к нам и к кушанью нашему привык, как бы век у нас жил, не показал никакова виду, чтобы тосковал или плакал. Третьего дня послал я его в школы здешней Академии наук, состоящая под моею командою, где сорок человек дворянских детей и разночинцев обучаются и где он жить будет и учиться под добрым смотрением, а по праздникам и по воскресным дням у меня будет обедать, ужинать и ночевать в доме. Учить его приказано от меня латинскому языку, арифметике, чисто и хорошенько писать и танцевать.

Вчерашнего вечера был я в школах нарочно осмотреть, как он в общежитии со школьниками уживается и с кем он живет в одной камере. Поверь, сестрица, что я об нем стараюсь как должен добрый дядя и отец-крестный. Также и хозяйка моя и дочь его любят и всем довольствуют.

Я не сомневаюсь, что он через учение счастлив будет. И с истинным люблением пребываю брат твой. *Михаил Ломоносов*».

Впоследствии М. Головин стал адъюнктом Академии наук, профессором Петербургской учительской семинарии, в которой впервые в России начали готовить учителей для общеобразовательной школы. Однако жизнь его была очень короткой: он умер в 34 года, не оставив после себя наследников. Но Миша Головин всегда с теплом вспоминал своего знаменитого дядю и его уютный дом...

Михаил Васильевич Ломоносов по-мужски, по-поморски оберегал покой своей семьи. Елизавета Андреевна стремилась лишней раз не волновать его житейскими проблемами. Однако ее очень беспокоил немец-сосед Штурм, хороший знакомый Шумахера. Елизавета Андреевна садила цветы у своего дома, следила за чистотой и порядком вокруг него, разводила кур, кошечек. Штурм, стремясь досадить жене Ломоносова, выливал на цветники грязную воду, разгонял животных. Ломоносов несколько раз предупреждал соседа, но однажды его терпение лопнуло, и гнев ученого был страшен. Вот как описывал это сам Штурм: «Торжества моего день рождений омрачил злодеяния Ломоносова. Двадесять немецких господ и дамен, моих гостей, пошел воспевать невинный мадригал в Ломоносов палисад. Внезапно на головы воспеваемых

господ и дамен из окна Ломоносов квартир упадет пареных реп, кислых капуст, досок и бревна. Я и мой зупруга сделали колокольный звон на двери, но он вырвался с отломленным перилом и вопиюще: «Хорошо медведя из окна дразнить!» — гонял немецкий господ по улице, едва успел гостеприимная дверь захлопнуть всех моего дома. Но два даментуалет похитил на ходу и утерял клейнод на переду. Я и моя зупруга маялись на балкон поливать его водами и случайно, может быть, ронялись цветочными горшками. Но Ломоносов вынес дверь на крюк и сражался в наших комнат. Стукал своим снастнем двадесять господ. И даже выскакнили окнами и везде кричали караулы! Дондеже явился зольдатен гарнизон!!»

Известно, что у Ломоносова были большие неприятности после этого конфликта. Острословы по этому поводу сложили стишки: «немец гут, а русский тут!». Даже императрица Екатерина говорила гостям о том, что «русский немцу задал перцу!..»

Тем не менее Ломоносов оградил свою семью от грубых нападков соседа. Впоследствии подобных конфликтов больше не происходило.

О жизни семьи Ломоносовых почти не сохранилось каких-либо документов, воспоминаний. Глава семьи был сторонником того, что «сор из избы не выносят». Необходимо отметить, что в Полном собрании сочинений Ломоносова есть ряд документов, свидетельствующих о тяжелом физическом, моральном и финансовом положении семьи ученого. Так, 24 июля 1762 года Ломоносов писал М.И. Воронцову о том, что «тяжкая моя болезнь, снова усилившись в другой ноге, не дает мне покоя и свободы не токмо из дому, но ниже и с постели вытти». Болезнь активно развивалась с февраля 1762 года. 25 июля 1762 года копиист, носивший на подпись канцелярские журналы, не был допущен к Ломоносову, причем ему было объявлено, что «господин советник за болезнию в Академическую канцелярию ездить и дел в доме подписывать не может».

По воспоминаниям современников, в последние годы жизни Ломоносов стал чрезвычайно рассеянным и нередко во время обеда «вместо пера, которое он по школьной привычке любил класть за ухо, клал ложку, которою хлебал горячее, или утирался своим париком, который снимал с себя, когда принимался за щи...»

В этот сложный период семья Ломоносовых стала еще дружнее, сплоченнее. Дочь помогала матери ухаживать за отцом. Один из итальянских профессоров, побывав в их доме, говорил, что никогда не видел более счастливого семейства. О дочери Ломоносова, Елене, как и о его жене, почти не сохранилось документальных свидетельств. Известно, что она была достаточно высокообразованной девушкой, знавшей языки, литературу, музыку. Родители заботились о ее воспитании. За месяц до смерти Ломоносова мать и отец благословили дочь на брак с главным библиотекарем Императорской библиотеки Алексеем Константиновым. Он являлся сыном брянского протопопа и был на двадцать один год старше Елены Ломоносовой. С 1750 года А. Константинов обучался в Академическом университете у И.А. Брауна, естественным наукам и поэтике у Ломоносова. 15 сентября 1766 года состоялось бракосочетание А. Константинова с Е. Ломоносовой. Она получила в наследство от отца фабрику в Усть-Рудице, где часто и подолгу жила вся семья. Константиновы прожили вместе всего шесть лет: в 1772 году Елена умирает, будучи двадцати трех лет от роду. Она прожила почти столько же лет, сколько и мать Ломоносова. Семья Константиновых имела четверых детей: сын Алексей (умер в 1814 г.), дочери Софья (1769—1844), Екатерина (умерла в 1846 г.), Анна (умерла в 1864 г.). А. Константинов прожил после смерти жены примерно тридцать шесть лет. Он умер в 1808 году. Оба похоронены почти рядом с могилой Ломоносова на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. Их дети продолжили род Ломоносовых. Дочь Софья вышла замуж за Н.Н. Раевского, у них было пятеро детей. Семья Раевских находилась в близких отношениях с Пушкиным. Младшая дочь Мария Николаевна вышла замуж за князя С.Г. Волконского и разделила с ним ссылку в Сибирь. Потомки по женской линии Ломоносовых породнились со знаменитыми фамилиями России. Однако после 1917 года почти все они уехали из страны, и найти их стало очень сложно...

Ломоносов, по воспоминаниям современников, не очень желал брака дочери с А. Константиновым. Трудно теперь это объяснить, но предположить можно. Во-первых, он достаточно хорошо знал будущего зятя как своего студента. Во-вторых, А. Константинов был намного старше Елены. Ломоносов, как известно, являлся противником такой возрастной разницы вступающих в брак. Как любящий отец, он желал своей дочери только счастья. Но, чувствуя приближающуюся смерть, Ломоносов благословил молодых.

В это время он практически не выходил из дома. С 4 марта 1765 года ученый прекратил посещение Академии наук. В начале апреля написал проект прошения в Сенат, в котором указал, что в случае его смерти начатое им «мозаичное дело» может быть доверено его шурину Цильху и мозаичному мастеру Васильеву.

4 апреля 1765 года в пять часов вечера, простившись с женой, дочерью и другими людьми, находившимися в доме, первый российский академик скончался. 8 апреля при большом стечении народа Ломоносов был похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры...

После смерти мужа Елизавета Андреевна оказалась в тяжелом материальном положении. Прожив почти тридцать лет с М. Ломоносовым, она чувствовала себя защищенной, достаточно обеспеченной. Оставшись одна, она должна была решать все хозяйственные вопросы самостоятельно. Как статской советнице, Елизавете Андреевне положено было получать годовой оклад мужа в размере 1875 рублей за вычетом долга Академии наук в размере 667 рублей 45 с половиной копеек. Однако этих денег она так и не получила. 7 мая 1766 года вдова Ломоносова просила И. Елагина, близко находящегося к императрице, помочь ей получить пенсию. Елизавета Андреевна не смогла устоять против бед, которые упали на ее плечи. В 1766 году она умирает. Не известны ни точная дата ее смерти, ни место захоронения. Известно лишь, что она пережила мужа лишь на полтора года, прожив на свете всего сорок шесть лет...

Елизавета Андреевна осталась в памяти истинно немецкой женщиной, мудро понявшей и воспринявшей традиции русского дома и семьи, на которых вырос ее муж.

На Русском Севере есть хорошее слово — берегиня. Оно обозначает женщину-хранительницу семейного очага. Именно такой была Елизавета Андреевна. Можно предположить, что их связывали теплые, нежные чувства, исходя из обращений Ломоносова к жене: «хозяйка моя», «жена моя», «супруга». Они были счастливой парой. Михаил Васильевич, следуя поморским традициям, никогда не показывал открыто своих чувств к Елизавете Андреевне, но всю жизнь лейтмотивом его отношения к ней были слова: «Я ее никогда не покину...».